

ОСНОВАНИЯ И СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Подведение итогов второго заседания круглого стола «Ахиезеровских чтений»

А.П. ДАВЫДОВ

Модернизация в России идет трудно. Почти не идет. Причин много. Одна из главных — реформаторы не учитывают ментальности россиян. В чем смысл конфликта? И в чем миссия российской интеллигенции в этом конфликте — на эти вопросы пытаются ответить участники второго заседания «Ахиезеровских чтений». В этой статье я анализирую тексты не только участников АЧ-2 (Ахиезеровских чтений-2), но и АЧ-1 и сборника «В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера». Я также пытаюсь обобщить оценки авторов, которые стали предметом анализа участников АЧ, и мысль русских писателей, которые глубоко анализировали российскую ментальность.

В АЧ выявилось, что структура российской ментальности имеет три слоя:

- догосударственные палео-неолитические ценности,
- ценность государства,
- ценность личности (гражданского общества).

Первое и второе создают палео-государственный (антигосударственный/прогосударственный) синкретический симбиоз в ментальности, составные части которого борются друг против друга, но и не могут друг без друга. Этот симбиоз господствует в культуре. Симбиозу противостоит личность, понимаемая через способность человека к независимости от стереотипов культуры. Личность — это инновация в российской ментальности, начавшаяся с А.С. Пушкина. Несмотря на свой двухсотлетний возраст, ее основная черта — неукорененность в культуре и эзотеричность деятельности. Эта инновация на перепутье: гордо отвергнуть сотрудничество с архаичным симбиозом или вступить с ним в диалог? Но тогда о чем диалог?

АЧ-1 и АЧ-2 раскрывают основания и структуру российской ментальности.

Палеосинкретизм как догосударственное основание русской культуры и объект модернизации

Труды христианских проповедников церквей Малой Азии II — IV вв., Синайской школы VII в., российских проповедников

XIX в., достижения русской религиозной философии XIX – XX вв., спор между славянофилами и западниками в России в XIX – XX вв., дискуссия между авторами идеи «русской системы» и ее критиками в конце XX в., работы А. Ахиезера, Ю. Афанасьева, В. Булдакова, А. Дмитриева, И. Клямкина, И. Михайловой, Б. Миронova, Э. Паина, С. Патрушева, А. Пелипенко, Ю. Пивоварова, В. Розина, Г. Тульчинского, А. Хлопина, И. Яковенко, А. Янова и др. позволяют подвести некоторый итог. Благодаря этим работам в распоряжении нынешних аналитиков русской культуры находится набор культурных стереотипов, которые, во-первых, оцениваются ими как палеолитические, неолитические, догосударственные, раннегосударственные, раннесредневековые, во-вторых, рассматриваются как основание современной русской культуры. Вот перечень этих рудиментов, все еще господствующих в массовом сознании россиян (их частичная расшифровка давалась в АЧ-1):

- Стереотип «локализма», «кликость» массового сознания, российское общество как «социум клик».

- Установка на воспроизведение синкретиза (палеосинкретиза) в сознании.

- Познавательный-моральный конструкт «должное/сущее», разрывающий социальную связь между идеалом и реальным поведением.

- Эсхатологический комплекс.

- Манихейская составляющая.

- Мироотречная или гностическая установка.

- Сакрализация статуса власти, ее положения над законом.

- Партиципация, прилепление к господствующему смыслу как спасительному.

- Инверсионная воспроизводственная логика культуры, игнорирование «середины».

- Эмоциональное мышление.

- Экстенсивная доминанта в проблемных ситуациях.

- Идея России как империи.

- Милитаризация повседневности.

Эти древние стереотипы – оружие палео-неолитического слоя российского менталитета, направленное против перемен. Они – объект модернизации методом их «культурного разоружения», критики, отодвигания на периферию общественного сознания.

АЧ-2 делают новый шаг в расширении списка древних стереотипов. И. Кондаков в статье «Ментальная доминанта российской цивилизации» определяет российскую ментальность краткой частичкой в русском языке «авось». И приводит несколько ее определений.

Определение «авось» крупнейшего польского лингвиста А. Вежбицкой: *«По существу это отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую: “нет смысла строить какие-то планы и пытаться их осуществлять; невозможно рационально организовать свою жизнь, поскольку жизнь нами не контролируется; самое лучшее, что остается делать, это положиться на удачу... Русская частица авось подводит краткий итог теме, пронизывающей насквозь русский язык и русскую культуру, — теме судьбы, неконтролируемости событий, существованию в непознаваемом и не контролируемом рациональным сознанием мире. Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир. Жизнь непредсказуема и неуправляема, и не нужно чересчур полагаться на силы разума, логики или на свои рациональные действия».*

Определение «авось» И. Кондакова: *«Так или иначе, русский “авось” — в различных его символических проявлениях — означает демонстративное “безразличие” к проблеме выбора решений и к самому выбору (хотя бы одного из двух); принципиальное “уравнивание” по смыслу любых альтернативных решений, явлений, процессов, результатов; исходную неопределимость самой национально-исторической судьбы, представляющейся амбивалентной (“Что будет — то будет”).*

Определение «авось» А. Ахиезера: *«Высокий уровень дезорганизации [в российской социокультурной жизни. — И.К.] можно рассматривать как результат недостаточности проникновения общества его ценностями, некоторыми всеобщими представлениями, создающими базовый консенсус, устойчивость изменений, что открывает путь потокам случайностей, неопределенности, культуре, выдвигающей «авось» в качестве своего фокуса. “Авось” можно рассматривать как попытку людей приспособиться к высоко-дезорганизованной среде, соответственно увеличивая собственную дезорганизацию. Высокая дезорганизация стимулирует отход от власти закона в пользу власти чиновника, слабость демократии как высокоорганизованной власти многих».*

«Таким образом, формула “авось”, — подытоживает Кондаков, — это фокус культуры, формирующейся из потоков случайностей и обладающей высокой степенью смысловой неопределенности и функциональной дезорганизации».

По Кондакову, похоже, что «авось» — это наиболее древний хозяин нашего менталитета эпохи пещерного человека. Но пещерный менталитет вынужден существовать в условиях развернувшейся в России модернизации. Трехсотлетняя модернизация не изменила русского человека. Российский носитель палео-неоли-

тической «авоси» как «смысловой неопределенности» и «функциональной дезорганизации» в условиях развития индивидуальных социальных отношений выглядит как «урод».

«Урод» — главный персонаж беспощадного социокультурного анализа, развернувшегося в русской литературе XVIII — XXI вв. Вот эти персонажи.

Это «хищник», «насильник», «невежественный человек» И. Крылова; «человек-зверь» И. Новикова; «общество, проклятое Богом» Д. Фонвизина; «фамусовское общество» А. Грибоедова; «пародия» человека, «инвалид в любви» А. Пушкина; «мертвые души», «свиные рыла», человек «ни то, ни се» Н. Гоголя; «уроды» И. Гончарова; «гамлетики», «вывихнутые», «человек не сформировавшийся» И. Тургенева; двойники, «бесы» Ф. Достоевского, понятые через надрыв, карамазовщину; «темное царство» А. Островского; «кисляй», человек, не способный принять никакого решения и, следовательно, жить А. Чехова; озверевший народ-белые и озверевший народ-красные в произведениях М. Шолохова и Б. Пастернака. Эта критическая линия продолжается и в современной литературе: «слипшийся ком» в романе В. Ерофеева «Энциклопедия русской души»; «навозопроизводитель» и «навозошаротолкатель» в романе В. Пелевина «Жизнь насекомых», пес-полковник ФСБ в его же романе «Священная книга оборотня»; толпа в романе В. Маканина «Лаз»; «голубчики» и «перерожденцы» в романе Т. Толстой «Кысь»; Дита Собакина в романе Г. Щербаковой «История Диты Собакиной, которой не было»; «скрытно-большевики» в романе В. Аксенова «Редкие земли»; человек, ненавидящий жизнь, в романе А. Потемкина «Человек отменяется» и другие.

«Урод» как носитель синкретиза архаичных ценностей, государства и намеков на личность — по-прежнему главный герой-современной русской литературы. Борьба с «уродом» — его «культурное разоружение», критика архаики культурных оснований в менталитете русского человека. Необходимо понять модернизацию не как строительство новых газопроводов и повышение пенсий, а как изменение ментальности, которую никак не могут понять российские реформаторы, начиная с Петра I. Но... на каком, спрашивается, культурном основании изменять?

Однозначного отношения к модернизации никогда в России не было. Нет его и сейчас. Нет его и среди авторов АЧ. Поиск альтернативы «смысловой неопределенности» и «функциональной дезорганизации» зависит от цивилизационного выбора между смыслом «государства-порядка-иерархии» как альтернативы российским догосударственным палео-неолитическим ценностям и смыслом «личности» как альтернативы российскому палео-госу-

дарству¹. Кому быть субъектом модернизации — государству или личности? — основной вопрос в российском обществе и в науке о России.

«Государство-порядок-иерархия» как основание русской культуры и субъект модернизации

Ряд социологических исследований российской ментальности, проведенный в последнее время, содержат важные данные. *Н.М. Лебедева* отмечает, что в посткоммунистических обществах доверие и толерантность развиты гораздо слабее, чем в других европейских странах, господствует замкнутость². *В. Магун* и *М. Руднев* по итогам исследования 20 европейских стран 2006 — 2007 гг. указывают, что россиянам свойственна слабая потребность в свободе и самостоятельности и более высокая потребность в защите со стороны государства³. *Е. Ясин* подчеркивает, что россияне более консервативны, традиционны, более склонны к порядку⁴. Исследования ИС РАН показывают, что даже финансовый кризис 2008 — 2009 гг. не мог существенно снизить ни заоблачных рейтингов лидеров, возглавляющих российское государство, ни высокого доверия россиян к правительству, церкви и ФСБ⁵. Еще *В. Ключевский* писал, что главное во взаимоотношениях русского народа и власти — это поиск народом власти, чтобы к ней прилепиться. Назвать этот поиск чисто государственным принципом нельзя — в нем преобладает догосударственный компонент. Русский человек и сегодня ищет власть, чтобы к ней прислониться и хорошо жить. Выводы историка совпадают с данными социологов — они характеризуют русского человека как автора догосударственных и раннегосударственных отношений, т.е. палео-государственной традиции. Об этом же свидетельствуют данные ИС РАН: 84 — 96 процентов респондентов всех возрастных групп среднего класса в России положительно относятся к традиции в социальных отношениях и одновременно 80 — 96 процентов этих же респондентов положительно относятся к частной собственности⁶. Люди, образованные, с материальным достатком и положением в обществе понимают модернизацию и частную собственность, лишь опираясь на традиционные (патрон-клиентные, родовые, коррупционные и мафиозные) социальные отношения, которые принижают принцип частной собственности и права личности. Парадоксально? Нет. Согласно исследованиям социологов, получается, что в ментальности русского человека господствует некий симбиоз культурно разнородных ценностей, с преобладанием палео-государственной традиции. Выводы социологов заставляют поставить вопрос: этот симбиоз — это фактор, способствующий модернизации или тормозящий ее?

Н. Лапин, опираясь на различные исследования, фиксирует в России «толерантный симбиоз культурно разнородных ценностей» как рациональный ответ жизненных миров россиян, т.е. их локальных миров на вызов общества, которое вступило в фазу модернизации. Лапин полагает, что этот симбиоз обеспечивает взаимопонимание между людьми в условиях конфликтующих потоков ценностей и открыт различным вариантам эволюции общества, в том числе и модернизации⁷. Он считает, что в этом симбиозе сложилось паритетное соотношение современных и традиционных ценностей. Этот паритет не является непреодолимым препятствием для модернизации общества, и что основное препятствие коренится в отсутствии сетевых институтов саморазвития, прежде всего — инновационных⁸, т.е. в недостаточности модернизационных усилий государства и общества.

Итак, говоря языком нашего исследования, палео-государственный симбиоз является препятствием, но не непреодолимым. Но почему же тогда коррупция и мафиозные отношения до сих пор являются сутью и общества, и государства? Почему ни у государства, ни у общества не получается создать самоуправляющиеся инновационные институты? Почему этих институтов нет? Вернее, в каком-то смысле они все-таки есть. *А.В. Кружков* сообщает, что число территориальных общественных самоуправлений (ТОС, земских собраний) и в 90-е и после 2000 г. в стране растет. Они, измеряясь десятками и сотнями по субъектам федерации, функционируют в Мари Эл, в Мордовии, в Удмуртии, в Чувашии, в Белгородской, Волгоградской, Ленинградской, Смоленской, Рязанской, Псковской и других областях⁹. Но региональные социологи *Р. Пырма*, *В. Охота*, *И. Александров*, *В. Авдонин*, *Т. Барандова* сообщают, что ТОС — не инновационные институты саморазвития, так как они либо партийно-ориентированы, либо забюрократизированы, либо бесправны, либо являются придатками администрации¹⁰. Их можно назвать «уродами». Что же мешает модернизации общества через самоуправление, т.е. через высокую степень независимости от государства? Палео-неолитические стереотипы в менталитете?

Ответ: государство в России до сих пор приспособливается к палео-стихии в русской культуре, к высокому уровню ее «смысловой неопределенности» и «функциональной дезорганизации», но сделать это может, только соответственно увеличивая собственную неопределенность и дезорганизацию, т.е. становясь палео-государством. Основным противником палео-государства является личность как основание и субъект модернизации. Но личностное начало, не укорененное в русской культуре, пока не может бороться ни за лидерство в модернизации, ни изменить само представление о модернизации.

Есть, однако, и другая точка зрения.

Э. Кульпин полагает, что ценностями первого уровня в российском менталитете являются «государство», «порядок», «иерархия». Что против этих ценностей не только не надо бороться, их надо всячески поддерживать. Они являются естественной и единственно возможной основой модернизации, потому что происходят из исторически сложившегося типа русской культуры. Россия не личностна и не западоподобна, она соборна и авторитарна, в своей культуре она несет элементы, подобные культуре Дальнего Востока. Автор ссылается на опыт Японии, Китая, которые, жестко ограничивая личностные социальные отношения и гражданское общество, добиваются огромных успехов в модернизации. Но откуда эта связь между отрицанием личности как культурного основания, акцентированием коллективных ценностей — соборности и авторитарности, и успехами в модернизации? Подозрения Кульпина в выполнении партийного заказа я категорически отмечаю. Автор концепции указывает, что и Китай и Россия в отличие от Европы более зависимы от природных условий, хотя и по-разному. Север, лесная и степная полосы России это экстремальные климатические зоны, которые часто оказывают решающее влияние на способ выстраивания русским человеком социальных отношений. Поэтому традицию лучше не ломать, а использовать, как это делают китайцы и японцы.

А. Дмитриев, опираясь в своем анализе на оппозицию «общество — государство», считает, что в связи с сильной зависимостью русского человека от типа окружающей среды, российская урбанизация не внесла существенных демократических изменений в массовое сознание горожан. «Специфика урбанизации в России заключается в том, что хотя она и несет в себе общую тенденцию подтягивания культурного уровня периферии до уровня центров, тем не менее, значительный удельный вес населения, которое по официальной статистике числится городским, в действительности не достиг уровня урбанизированности и тяготеет к ценностям, характерным для *государственной жизни*»¹⁰ (Курсив мой. — А. Д.). Г. Тульчинский, несмотря на либеральный и критический момент в своей концепции, в статье в АЧ-2 близок к Кульпину: «В российской традиционной культуре заложен колоссальный потенциал. Например, приоритет творчества — богоподобного акта создания чего-то нового почти из ничего, усилием воли. И это не просто трансцендирование в иное. С этим связана и особая «креативность», смекалка — голь на выдумки хитра. А неприхотливость и долготерпеливость, готовность перестрадать, перетерпеть!? А самоотверженность в критических ситуациях!? В этом коренятся все великие исторические победы нашего народа. Об

этом наша великая литература. Разве это не золотой фонд любого русского реформатора!?!». Это вывод в духе выше процитированных авторов только другими словами и с несколько иными акцентами.

Таким образом, ряд авторов фиксируют ментальное предпочтение россиянина к ценностям «государства-порядка-иерархии», из которой возникает наиболее распространенная сегодня в обществе точка зрения, что со «смысловой неопределенностью» и «функциональной дезорганизацией» надо бороться, опираясь на руководящую роль государства в модернизации. Эта точка зрения рождается, по Кульпину, из высокой степени зависимости русской культуры от природных условий. Сегодня представители социальных наук испытывают дефицит в концепциях, которые интерпретировали бы смысл всеобщего и на которые можно было бы системно опереться в анализе российской реальности. Теория Кульпина, опираясь на связь человека с природой, предоставляет им такую возможность¹². К выводам Кульпина должны быть неравнодушны многие социологи. Особенно те, которые говорят, что «толерантность», «симбиоз» и «паритет» в российском менталитете как исторически сложившиеся данности, в которых объективно силен государственный момент, могут способствовать модернизационным усилиям государства и под крылом таких ценностей, как «государство», «порядок», «иерархия», «знание» начать нести в себе инновацию. Вывод Кульпина опирается не только на логику *ratio*, но на российское общественное бессознательное, имеющее многовековые корни. Получается, что выводы российских социологов, опирающиеся на приоритет в российской ментальности государственных ценностей, как бы они не интерпретировали смысл государства, *de facto* исходят из культурологической концепции Кульпина как из основания.

Личность как основание русской культуры и субъект модернизации

Но российская «смысловая неопределенность», «функциональная дезорганизация» в народном менталитете, слившаяся в симбиозе с неопределенностью и дезорганизацией палео-государства, может быть объектом и иной оценки.

И. Микайлова считает, что саморазвитию и, следовательно, становлению гражданского общества как способу развития России мешает гипертрофированная роль государства, которая через тотальное регулирование подавляет личность. Причина в типе исторического развития через такие ценности, как «государство», «порядок», господствующие в российской ментальности. По Микайловой российское государство это недосформировавшееся го-

сударство, недогосударство, говоря языком нашего исследования, палео-государство. Эта оценка продолжает выводы Ахиезера, хотя она более фундаментальна, так как опирается на гораздо более широкий, чем у него, культурно-географический материал, включающий опыт Германии и североевропейских стран. Логика Михайловой — Ахиезера может лежать в основе социологической рекомендации о модернизации как дорегулировании в духе М. Тэтчер и Е. Гайдара, в духе скандинавской и германской традиций модернизации. Эта логика сегодня в обществе не популярна и поэтому вдвойне ценна.

Мишенью А. Пелипенко является так называемая «русская система» (РС), — тысячелетняя система ценностей, которая породила самодержавно-общинный строй и затем сохранялась еще 70 советских лет благодаря палео-неолитической специфике российской ментальности. Перспективы у РС нет, потому что нет перспективы у этого типа ментальности. Пелипенко пишет: «Будущего у РС нет, и потому дальнейший распад России, по-видимому, неизбежен. Культурно-психологический потенциал интеграции на наших глазах схлопывается как шагреновая кожа, а на другой чаше весов нет ничего, кроме инерции, страха неопределенности и краткосрочных обстоятельств политико-экономического характера. Близок момент, когда хаос, порождаемый самой Властью, перевесит страх хаоса безвластия... Жизнь в историческом императиве окончилась для РС с поражением в холодной войне и завершением миссии глобального противостояния Западу. Дальнейшее — диктуется имманентной диалектикой РС как таковой со всеми ее прихотливыми извивами и случайностями... Распад России... даст еще один шанс, уже в гораздо более скромном геополитическом формате, перестроиться на личностно ориентированный путь, принципиально несовместимый с метастазами РС. Если же для такой перестройки (не в горбачевском, разумеется, смысле) силенок не хватит, и РС и в этом формате сумеет себя сохранить, тогда нас ждет «византийский» сценарий со всеми вытекающими из него печальными последствиями».

Но критика государства, либо РС с либеральных позиций не выдвигают заслону от народной палео-неолитической стихии. И. Яковенко говорит, что эта стихия должна уйти с исторической сцены. Но, прежде чем она уйдет, нужна какая-то новая жизнь интеллигента, какой-то новый опыт рефлексии по поводу либеральной рефлексии, что-то вроде перелома в жизни Бенедикта из романа Т. Толстой «Кысь», чтобы понять, что противник личности как субъекта модернизации гораздо более сложен, чем российское государство и РС, что это и палео-неолитические ценности, и палео-государство, и, главное, что все это уродство в избытке

находится в самой личности. Но и этого не достаточно. Нужно определиться, что делать со всей этой древностью в современности — вести с ней диалог и договариваться о синтезе, как предлагают Д. Карнеги и М. Бахтин, либо проникнуться сознанием, что эта архаика — стадияльно предшествующая культура, которой на смену идет новая, личностная, стадияльно последующая культура, и пассивно ждать, считая, что приближаем эту новизну своей эзотерикой.

От этой дилеммы отказывается **В. Розин**. Он вслед за Чеховым видит основную болезнь российской интеллигенции в ее неукорененности в русской культуре. Розин говорит, что надо укореняться. Значит, без диалога не обойтись. Но, похоже, чтобы реализовать розинские цели, бахтинского диалога мало. Нужно два типа диалога: диалог — вытеснение архаики на периферию массового сознания, чтобы не мешала модернизации, и диалог с Другим-себе-подобным для достижения синтеза как основания совместной с ним модернизации. Для диалога первого типа нужно «культурное разоружение» палео-неолитического, палео-государственного слоя российского менталитета. Для диалога второго типа нужно «культурное вооружение» себя и Другого новым представлением о всеобщем, нужно то, что я в других своих работах называю Ренессансреформацией. Но все эти типы диалога могут состояться, лишь если российский интеллигент изменится сам.

Как?

В. Розин в АЧ-2 пишет: «Пока мы будем оставаться в сфере эзотерического образа жизни и неукорененности, никакие гениальные идеи и решения не помогут... Нужно... иначе жить... нужен иной, новый опыт жизни и бытия, а не просто новые идеи... Но для этого нужно идти на компромиссы, перестраивать свои идеалы, внимательно и доброжелательно изучать мировую, и буржуазную в том числе, культуру и духовность, не перескакивать через себя и этапы жизни, которые все равно нужно пройти, как прошли другие народы. Мы выйдем к более осмысленному пониманию духовности, если проведем ее в жизнь, если со всей серьезностью отнесемся к другим точкам зрения и представлениям, какими бы странными они нам ни казались. Если примем их как реальность и не менее ценную, чем наша. Если не будем считать, что истина одна и мы ею владеем, а другие заблуждаются. Истин столько, сколько последовательно реализованных опытов жизни... Будем же надеяться и спокойно работать. Главное — чистая совесть и хорошо выполненный долг, а остальное от нас не зависит, остальное придет». Это чеховская мелодия.

И. Кондаков, И. Микайлова, А. Пелипенко, В. Розин в своих текстах выступают как члены партии, в которую входят Пушкин,

Лермонтов, Чехов, Булгаков. Они говорят то же, что и классики, но другими словами. У этой партии есть то, чего нет у подавляющей части нынешней российской интеллигенции — самокритика, критика критики, переосмысление переосмысления. В их словах боль — за русского человека, за российского интеллектуала. Они требуют от себя и всех новой адекватности в восприятии реальности, новых вопросов и претензий к своей рефлексии по поводу своей способности к рефлексии. Они хотят запустить в России процесс самоизменения, самообновления, перехода от эзотерической жизни к практической, реальной и, тем не менее, духовной, они выковывают новое основание для повышения нашей способности к самоанализу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под палео-государством я понимаю государство, которое в определении своих целей в способах принятия решений опирается на палеолитические-неолитические архаические ценности, упомянутые в этом тексте.
- ² Лебедева Н.М. Сообщение на круглом столе научного семинара в ГУ-ВШЭ «Модернизация России: успехи, препятствия, перспективы (по материалам эмпирических исследований)». 29.10.09//new.hse.ru/sites/mbd/program/aspx
- ³ Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. №1.
- ⁴ Ясин Е.Г. Модернизация и общество. Доклад на VIII Международной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие». 3 — 5 апреля 2007. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. — С. 106.
- ⁵ См.: Российская повседневность в условиях кризиса. — М.: Альфа-М., 2009.
- ⁶ Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад. — М.: ИСРАН, 2007. — С. 55.
- ⁷ Лапин Н.И. Ценности населения макрорегионов России по оси «открытость изменениям — сохранение» // Россия в Европе. По материалам международного социологического опроса «Европейское социальное исследование». — М.: Логос. 2009. Гл. 9.
- ⁸ Лапин Н.И. Ценности «сохранение — открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // Общественные науки и современность. 2009. № 5.
- ⁹ Кружков А.В. Местное самоуправление и становление гражданского общества в России // Реформы переходного периода. — М.: Современная экономика и право, 2005. — С. 328 — 329.
- ¹⁰ См.: Реформа местного самоуправления в региональном измерении. По материалам 21 региона Российской Федерации / Под. ред. С. Рыженкова и Н. Винника. — М., 1999 // Цит. по: Реформы переходного периода. — М.: Современная экономика и право». 2005. — С. 329.

- ¹¹ См.: *Дмитриев А.* Территориальная миграция: философский и конфликтологический аспекты // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А. Ахиезера / Сост. А. Давыдов. — М.: Новый Хронограф, 2009. — С. 305.
- ¹² *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. — М.: Наука, 1990; *Кульпин Э.С.* Восток: Природа — технологии — ментальность на Дальнем Востоке. Изд. 2-е. доп. — М.: Книжный дом «Либраком», 2009; *Кульпин Э.С.* (в соавторстве). Эволюция российской ментальности. Серия Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 26. — М.: ИАП Энергия, 2005; *Кульпин Э.С.* Путь России: Генезис кризисов, природы и общества в России. Изд. 2-е. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008; *Кульпин Э.С.* Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. Изд. 4-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРАКОМ», 2009.

Аннотация

В статье выделяются три уровня российской ментальности: палео-неолитические ценности, государство и личность (гражданское общество). Анализируется зависимость субъектности модернизации от этой структуры.

Ключевые слова:

палеолит, неолит, ценности, ментальность, государство, личность, модернизация, культура, Россия.

Summary

Alexey Davydyov's article «Foundations and structure of Russian Mentality» stresses three levels of Russian mentality: paleolith-neolith values, state and personality (civil society). There is analysis of dependence of subjectivity of modernization on this structure.

Keywords:

paleolith, neolith, values, state, personality, modernization, culture, Russia.